

СНОХАЧ БУСЫГИН

Повесть

— Во! — радостно выдыхает Марго от порога. — Трифоныч на вышке Наташку дрючит. Ей-богу!..

Голос у Марго с пропойистой хрипотцой, передних зубов наполовину нет, но это Марго не смущает. Она во весь рот улыбается, ее круглое лицо исходит жизнерадостностью. Марго с размаха хлопает себя по ляжкам.

— Ну, старый хер! Завалил Наташку на стол и — вперед!.. Зыркнул на меня, думала, убьет. А сам с Наташки не слазит. Олежка узнает — чего будет!..

Женщины переодевались в пропахшие рыбой телогрейки (предстояло кормить лисиц) и на слова Марго прореагировали не сразу.

— Да ты чего? Он же свекор ей!.. Поддала уже? Или со вчерашнего не отошла?

Но Марго сбить с толку невозможно.

— Вот этими глазами видела! Чтоб я сдохла, если вру! — Марго заводится, зрачки у нее загораются дурным огнем. — Если свекор, так не мужик, что ли? Прибор работает!.. Наташка молодая, а Олежка неделями дома не бывает, коммерсант хренов. У нее что, не чешется? Особая какая?..

— Откуда знаешь, что прибор работает? Проверяла? — подначивают женщины. Отношение к Марго на звероферме особое.

— Предложит — проверю, ломаться не буду! — Переходы настроения у Марго стремительные, она уже сипло хохочет. Что-что, а недотрогой Марго назвать трудно. О ее любвеобильном нраве ходят легенды не только в Рябинках, но и среди матросов местной линии речфлота. — О, о, смотрите, Трифоныч на кормокухню подался. А чего, сделал дело — гуляй смело!..

Глядя в окно на пожилого мужика, — сторожко оглядываясь, тот спешит от смотровой вышки, — Марго опять смеется. В ее смехе расположение и товарищеское сочувствие. Мол, нормальное дело, чего тушеваться? Так от природы положено.

Переодевшись в лоснящиеся, остро пахнущие лисьим кормом телогрейки, женщины тоже подступают к окну. И по тому, как торопится и на ходу озирается зверофермовский повар Трифоныч, понимают: Марго не наврала. Что-то и в самом деле на вышке произошло.

Ну, Наташка, кто бы подумал!..

— Она не вырывалась, не кричала? Может, он силой?..

— Ага, нашли дуру! Кто вырывается, если под хорошего мужика попадет? Одни импотенты кругом!..

— Ты, Маргарита, не трепись нигде, — внушительно говорит самая старшая из женщин. — Мало ли чего в жизни бывает. У Наташки семья, зачем проблемы? Олежка дурной, еще застрелит отца.

Марго с готовностью поддакивает:

— Конечно, конечно! Зачем я буду им жизнь портить? Я чего, тупая, не понимаю?

И лицо у нее при этом становится веселым и мстительным.

2

Олег скучно смотрел на вишневого цвета дверь с богатой бронзовой ручкой. Двойная. Ничего из-за такой не услышишь. Чего совещаются? Больше часа уже...

— Командир, веди в туалет. Мочевой пузырь у меня не резиновый.

Испуг прошел, и привычное состояние нагловатой уверенности возвращалось к Олегу. Что они ему могут сделать? Ну, слегка помяли для профилактики. А если разобраться, он для них ценный кадр. Неизвестно еще, для чего охранник больше приставлен: чтобы он, Олег, не слинял или чтобы ни одного волоса с его головы не упало. Случись что, кто ссуду возвращать будет?

Охранник, мясистый молодой мужик в камуфляже, взглянул на Олега исподлобья. Его поведение охраннику не нравилось.

— Руку! — Он шелкнул наручниками на своем запястье, потом на Олеговом. Приковывать к себе было совсем ни к чему, но охранник хотел, видимо, показать, кто здесь главный. — Гуляй за мной.

Олег усмехнулся. Гнилой мужик!.. Но через минуту уже об этом не думал. Он шел по светлым, с дорогими картинами на стенах коридорам банка, с удовольствием смотрел на двери с роскошными табличками, вдыхал пахнущий деньгами и успехом воздух, — и душа подрагивала от счастья.

Молодцы ребята! Умеют!.. И его место в их мире. А все эти прилизанные клерки и увешанные золотом бабенки (как от заразного к стенке шарахаются!) еще будут, будут целовать ему задницу!..

Собственно, в туалет Олегу не нужно было. Просто он давно подметил: лучше всего о фирме говорят туалеты. И если случалось бывать в солидной, не мог отказать себе в удовольствии заглянуть туда.

Сверкающие роскошью итальянских смесителей и белоснежных писсуаров помещения! Запахи дорогих освежителей и жидкого мыла в элегантных флаконах!..

— Здесь-то отпусти, — сказал он охраннику. — Не бойсь, через окно не убегу.

Тот пожал накачанными плечами, разъял стальную скобу на Олеговом запястье.

— Куда ты от нас денешься — четвертый этаж... На задвижку не закрываться, понял?

— Как скажешь, начальник!

Олег прикрыл за собой дверь. В ноздри остро вошла свежесть моря. В ясных, с едва уловимым свинцовым оттенком зеркалах до малейших подробностей отражался крутой евростандарт.

Ей-богу, в таких апартаментах жить можно!

Он причесался, поиграл со смесителем (такого Олег еще не видел: вместо привычных кранов — массивная никелированная рукоятка, которой все сразу и регулируется, температура воды и напор). Уважительно прищелкнул языком.

Подумаешь, нет денег ссуду вернуть! Херня, все будет путем!.. Роскошь туалета непонятным образом убеждала его в этом.

— Шустрее! — послышалось из-за двери. — Вызывают!

Олег еще раз провел ладонью по коротко стриженным волосам, с сожалением окинул взглядом сверкающее и лоснящееся великолепие.

— Подождут. В штаны мне, что ли?.. — Но задерживаться все же не стал. С этими мужиками перебарщивать нельзя, отобьют почки.

Охранник спрятал мобильник, по которому, видимо, только что получил цэу, торопливо щелкнул наручниками. В его движениях сквозила непривычная суетливость.

— Строго тут у вас, — насмешливо прищурился Олег. — Платят хоть нормально?

Охранник шел рядом, сопел и ничего не говорил.

Через полчаса они уже были в аэропорту. Предстояло лететь в Рябинки. Как Олег понял, через день-два придут описывать его имущество. А пока, значит, он будет под домашним арестом. Под присмотром этого Терминатора.

— Пошли покурим, — дружелюбно предложил Олег. Мужик гнилой, но мосты наводить надо. — У меня уже уши в трубочку сворачиваются. Прикинь — с утра не курил!..

Скучно в этот час было в аэропорту. Посадку на вертолет объявлять не торопились. Через весь зал ожидания вытянулась на регистрацию очередь смиренных вахтовиков из Самары. Эти улетаели самолетом. Где-то нудно капризничал ребенок.

Охранник молча вывел Олега на просторное крыльцо. От предложения закурить дорогой «Парламент» отказался, достал свою «Яву». Держит дистанцию, хмыкнул Олег.

— Слушай анекдот. Как тебя зовут?

Охранник помолчал, потом буркнул:

— Илья.

— Так вот, Илюха. Приезжает, значит, один мужик из наших мест в Париж. Ну, всякие там достопримечательности смотрит, Лувр и все такое. Повезли его к Эйфелевой башне. А там целая толпа. Все не на башню смотрят, а на какого-то мужика. Тот стоит и пускает по-русски матюги. Наш к нему подходит, мол, ты чего? А тот: земляк, я четвертый раз в Париже и каждый раз сюда прихожу. Ну когда эта долбаная вышка нефть наконец даст?!

Олег первым засмеялся, откидываясь всем телом назад. Но тут же замолчал и стремительно потянул охранника за собой. От рейсового автобуса к крыльцу аэропорта шел средних лет мужчина в соболиной шапке. Олег принялся кланяться ему в пояс, куражливо зачастил:

— Спасибо, отец родной, спасибо! Век помнить буду! Дай тебе бог здоровья, Валентин Степанович!..

— Насколько позволял упирающийся и ничего не понимающий охранник, Олег поднял вверх перехваченное наручниками запястье.

— Из-за тебя, кормилец, повязали, чтоб ты сто лет жил и двести раком ползал! Спасибо, Валентин Степанович, спасибо, благодетель!..

Обойдя стороной, мужчина в соболиной шапке скрылся за дверью зала ожидания. Вышедшие вместе с ним из автобуса люди с усмешкой поглядывали на Олега.

— Ты это кончай, — тихо, сквозь зубы сказал охранник. — У меня лицензия, я школу Виннера кончил. Удар правой сто пять килограммов, понял?!

Олег не спускал глаз с прозрачной, из толстого стекла двери.

— Я его еще в вертолете позорить буду! Я его достану, отвечаю!..

Охранник помедлил.

— Кто это?

— Глава нашей администрации. Пожалел дать подряд на содержание зимника. Сейчас бы проблем у меня не было! — Олег поиграл желваками и с чувством добавил: — Мудила!..

Мартовский день с январским не сравнишь, пусть даже будет мороз. Зимой все мертвое стоит. А в марте кора осинника на другом берегу Ваха уже зеленая. Значит, пошла работа. Началось.

Трифоныч, раздувая ноздри, остановился посреди двора. Весной пахнет. Такие дни бывают зимой в оттепель, но то обман. Работа начинается сейчас. Солнце оплывило снег, он стал крупчатый, сверху превратился в блескучий наст. Две-три недели — и начнет собираться под ним вода, хлынет ручьями в реку... Вон и кончики веток на березе уже красные.

Пошло дело!

Кажется, столько еще времени до лета, а жизнь начинается теперь. Жизнь торопится сделать, что ей полагается. Это если говорить про деревья. Лошади, коровы и овцы живут по-своему. Но жизнь им дает то, что растет из земли. Через них — человеку. Что человек сам по себе? Зверем бы стал, в норе бы жил...

В узкое, похожее на бойницу окошко стайки вываливались шматки навоза пополам с сеном. Показывались и прятались обратно вилы работника. Заходить в стайку было ни к чему — пропахнешь навозом, а это сейчас некстати, — но Трифоныч не удержался. Мысли о работе, которой с каждым днем все больше наполняется окружающая жизнь, требовали зайти.

Под низким потолком бревенчатой стайки было тепло, привычно и хорошо пахло коровами. Бусыгин прошел мимо вяло помахивающих хвостов, заглянул в отделение к Червонке, любимице. Корова повернула к нему голову, узнала, мыкнула. Своим большим животом она напоминала дирижабль и едва помещалась между дощатыми стенками. Крупные влажные глаза смотрели мученически и удовлетворенно. Червонка вот-вот должна была отелиться.

Бусыгин почесал кучерявый лоб тупо уставившемуся на него быку. Прошел к огороженному закуту, где под низко опущенными сильными лампами грелись недавно родившиеся поросята. На секунду задержался у яловой Комолой.

Надо убирать.

И Червонка, и поросята, и глупый бык работали, делали свое дело. Червонка, как и другие коровы, носила теленка, потом начнет давать молоко. Поросята росли, укреплялись в жизни, набирали вес. Бык копил силу, чтобы летом отдать ее стаду. Трифоныч чувствовал, они заодно с ним, делают одно и то же дело, неизвестно кем и когда человеку и скоту назначенное. А Комолоя не хотела быть, как они, как Бусыгин. Не хотела работать, делать назначенное. Пустоцвет. Сорная трава.

— Ясли поплотней сделай. Набей пару реек, — сказал Трифоныч работнику. — Много сена затапывают.

Работник продолжал размашисто бросать в окошко навоз, не обращая на его слова внимания.

— Андрюха, тебе говорю!

Работник остановился, вынул из уха фитюльку на тонком, уходящем за пазуху проводке.

— Чего?

— Ясли, говорю, плотнее сделай. Вон сколько сена в навозе... Что это у тебя?

— Плеер. Музыка слушаю.

Бусыгин пошевелил бровями, задержал на работнике взгляд. Под сорок мужику, а забавляется, как пацан. Им бы оглушить себя — музыкой или водкой, неважно. Главное, чтобы не думать. Что за народ такой?..

За калиткой было просторно. Взлетающее с каждым днем все выше солнце било в глаза, ощутимо грело лицо. Длинная сельская улица по бокам была оторочена слепящими сугробами. Редкие прохожие здоровались с Трифонычем первыми.

Встретиться с директором школы он договорился еще утром. И сейчас шел к двухэтажному типовому зданию с приятным чувством. Не только потому, что надеялся продать в школьную столовую мясо Комолой. Директора Бусыгин уважал. Это был понятный ему человек.

На полпути Трифоныч обнаружил, что забыл сигареты. Надо зайти в магазин. Из-за печки «Прима», конечно, лучше — сухая, но не возвращаться же домой. На воздухе его всегда тянуло закурить.

В холодном кирпичном магазине пахло апельсинами, турецкими кожаными куртками и селедкой. Народа не было, лишь у прилавка, облокотясь, стояла Валентина Нефедова и разговаривала с новой продавщицей. А что ей еще делать, подумал Бусыгин. Мужа похоронила, сыновья с семьями живут отдельно. Вот и ходит в магазин, как в клуб — язык чесать. Обычно народа здесь хватало.

— Трифоныч, а я Татьяну твою видела! На рынке обувью торгует! — громко, как о великой радости, сообщила Нефедова. — Говорит, от хозяина. Холодно на морозе целый день, зато выходит у нее неплохо! Тысяч, говорит, по пять каждый месяц хозяин платит. Это сколько ж тебе, Трифоныч, за эти пять тысяч надо корячиться?!

Дурная, подумал Бусыгин. Что на уме, то на языке. Видеть Валентину ему было досадно. Не потому, что слишком простая и все, что угодно, может ляпнуть. Стыдно было думать, что спасла его в послевоенную голодуху вот такая вот женщина.

— Как ты один живешь-то? — не отставала Нефедова. То, что Трифоныч хмуро зашевелил бровями, ее не остановило. Склеротические щечки Валентины ярко рдели, глаза смотрели ясно, наивно. — Вы с Татьяной развелись или как? Ее целый год в деревне нет — где, думаю. Говорит, дочери помогаю, потому живу в городе, на рынке, дескать, торгую. А ты как? Тебе кто помогать будет? Хозяйство вон какое!..

— Разберемся как-нибудь, — скупно сказал Бусыгин. На Нефедову он не смотрел. Глаза обегали полки, тесно уставленные импортными товарами в красивых цветных упаковках. — «Прима» есть? Или все уже